

— разговор с интересным собеседником

Армен Джигарханян:

«ВСЕ НЕПРОСТО...»

НАРОДНЫЙ артист РСФСР Армен Джигарханян — один из популярнейших актеров театра и кино. В гриме всех эпох, в ролях героических и злодейских, Армен Джигарханян не устает объяснять зрителям сложность и многозначность мира.

Во время гастролей театра имени Вл. Маяковского в Одессе Армен Джигарханян — один из ведущих артистов этого талантливого коллектива — предстал перед зрителями в нескольких интереснейших ролях.

Наш корреспондент попросил артиста ответить на вопросы читателей.

— **Вопрос по традиции непеременимый: как вы оцениваете одесские гастролы театра?**

— Ответ звучит так: гастроли прошли успешно, зритель в Одессе отзывчив, благодарен, тонок, умен. И все это — правда. Только не вся правда.

Отношения артиста и зрителя — штука точкая. Спектакля и зрителя — еще сложнее. Я считаю, что зритель всегда прав. Мне так удобно думать, это помогает отыскивать просчеты и промахи в моей работе. Но как сложна стихия зрительного зала! На гастролях зал, как правило, смешанный — есть в нем и знатоки, есть и люди неискушенные. В общем, зал в случайности своей однороден. Вроде бы следовало ждать и однородной реакции на разных представлениях спектакля. Так? Ничего подобного. Один и тот же гастрольный зал на сдин и тот же спектакль реагирует иногда буквально противоположно.

Мне думается, это один из великих и радостных секретов театра. Это заставляет нас каждый раз играть чуть иначе, помнить, что в театре нет данного раз навсегда...

Так было и в одесских гастролях. И хорошо, что так было.

— **Армен Борисович, зритель всегда прав — по отношению к любому актеру!**

— В конечном счете — да. Как бы мы ни ценили друг друга по внутреннему, профессиональному, «гамбургскому» счету, работаем мы для зрителя. Но и здесь есть свои сложности, свои нюансы. Выходишь на сцену и слышишь аплодисменты. Тебя встречают радостно. Приятно? Конечно, приятно, потому что это признание твоей прежней работы, свидетельство, что она нужна людям, не пропала даром. Но ведь ты вышел в новой роли, ты сейчас в ней, ты должен жить в ином характере, еще неведомом зрителю. Эти встречные аплодисменты и разрушают что-то в настроении, и обязывают чрезвычайно — обязывают к успеху. А дело наше таких обязательств не принимает...

Но я ведь не только актер. Я порой сам становлюсь зри-

телем. И хотя не могу отрешиться от профессии, но думаю, как зритель, и над секретными ремеслами, и над формулами массового успеха.

Алла Пугачева, например, и даровита, и популярна. А мне она не нравится. Не нравится такой успех. Путь этого успеха.

— **А могли бы вы назвать актерские имена и судьбы, которые вас привлекают?**

— Конечно. Это Олег Ефремов и Михаил Ульянов. Сергей Шакуров, Станислав Любшин, Александр Калегин в последних ролях. Можно назвать много имен, наш театр богат замечательными артистами.

— **А артистками!**

— Это чуть сложнее, но тоже возможно. Алиса Фрейндлих, Татьяна Дороница, Людмила Гурченко... В общем, чтобы был понятнее мой круг пристрастий, назову лишь одно имя — Ани Жирардо. В нем есть все.

— **Театр и кино — как уживаются они в вас!**

— Во мне — легко. Вне меня много чисто технических, организационных сложностей. Это схожие, но бесконечно разные роды творчества. И я очень люблю их. Сейчас снимаюсь в двух фильмах. В одном играю бандита, характер густой и сложный. В другом крестьянина, которого зовут князем. Также непростой человек. Совсем недавно закончили съемки фильма у режиссера Э. Кеосаяна. Это моя седьмая работа в его фильмах, я люблю сотрудничать с ним.

— **Вы актер широкого диапазона...**

— Я думаю, что само понятие амплуа уже стирается, многое меняется в мире, прежняя чистота жанров и ролей, как мне кажется, уступила место многозначности. И каждый из моих героев дорог мне по-своему. Могу сказать, что дружу с ними, стараюсь найти в них не только способ выражения чувств, стараюсь играть не действие, а судьбу, все то, что стоит за действием и диктует его.

— **Вам часто приходится играть людей сильного характера. Как вы относитесь к ним?**

— С завистью. Мне кажется, мой характер нельзя назвать сильным. Хотя я стараюсь быть сильным, когда речь идет о делах принципиальных. А по натуре я, наверное, оптимист. И потому думаю, что сила в человеке важна не сама по себе, а по цели, на которую направлена, по точке ее приложения.

— **Еще один традиционный вопрос: ваши увлечения?**

— У меня есть моя работа. Театр и кино. И театральные, и киношные дела. Я не могу с определенностью — сказать об увлечениях — не рыбак, не охотник, не филателист. Хобби у меня нет. Есть жизнь, есть круг друзей, есть свой мир общения, интересов.

— **Как вы относитесь к театральной критике?**

— Во-первых, я признаю ее необходимость и полезность. И для режиссеров, и для актеров, и для зрителей. А кроме того, думаю, что крайне редки, наверное, просто невыслымы случаи, когда бы критик полностью понял, что происходит в артисте на сцене. Мне кажется, что подлинны секреты актерского дарования, актерского высокого профессионализма, именного мастерства, уходят своими корнями так глубоко, что постичь это можно только в самом процессе актерского творчества. Актер живет по законам эмоциональной логики, он может умереть со смеху в буквальном смысле слова — и это не раз бывало!.. Все не просто.

— **Но есть и другая жизнь на сцене!**

— Конечно! Только нередко актер в ней не виноват. Бывает это, когда встречаешься со слабой, вторичной, бедной драматургией и ведешь роль, как говорится, на «экономленных материалах», повторяешь уже найденное, сказанное тобой или коллегами. Это обедняет и спектакль, и тебя, это разрушительно для актера. Но зато как обогащает встреча с драматургией подлинной! Я с особенным жаром говорю об этом, потому что мы совсем недавно выпустили новый спектакль — «Кошка на раскаленной крыше» Тенниси Уильямса. Мне кажется, что эта работа не просто дала мне новое ощущение, она в чем-то изменила меня как человека, сделала немного другим. Это большое счастье. А если еще и удастся это чувство передать зрителю — это праздник.